Митрополит Антоний Сурожский писал, что для того, чтобы простить серьезные вещи — предательство, убийство, — иногда требуется вся жизнь. А Церковь призывает прощать своих обидчиков перед каждым причастием. По мнению протоиерея Константина КОБЕЛЕВА, настоятеля храма Покрова Божией Матери в Бутырской тюрьме, учиться прощать нужно поэтапно.

Каждая литургия — последняя

— Человек может обижаться на близких людей, быть с кем-то в сложных отношениях, иметь недоброжелателей, обидчиков, но у него могут быть и враги — те, кто причинил вред, порой невосполнимый, сознательно. Как простить своего врага? С чего начать?

— У заключенных очень мало времени на то, чтобы осознать, кто истинный враг, а кто ложный, простить своих обидчиков, отойти от мысли о мести и примириться с Богом. Время литургии в храме — один-два часа, и неизвестно, когда они в следующий раз попадут на службу и на исповедь. Фактически у нас даже нет богослужебного круга. Мы, конечно, празднуем некоторые праздники, но заключенные не могут жить в кругу церковных праздников, у них нет возможности ходить в храм по своему желанию. Поэтому здесь все должно быть теперь и сразу: как говорится, и смерть, и воскресение, и Пасха, и все двунадесятые праздники. Каждая литургия в Бутырке, возможно, последняя в жизни. Даже есть такая традиция: в конце службы, перед прощанием и целованием креста, заключенные целуются со священником как на Пасху. И тюремный священник за очень короткий срок должен потребовать от них «по максимуму»: осознать свой грех, покаяться в нем и отказаться от мести.

Поэтому «формула прощения» у нас проста: даже не переставая считать кого-то своим врагом, можно отдать его в руки Божии. И я так объясняю это заключенным: если мстить будешь ты, тогда Бог не будет ничего делать. Он скажет: «Ты разбираешься с ним сам — ну и разбирайся своими средствами». А много ли может человек? В крайнем случае, он может убить. Но это максимум. А вот Бог, если Он будет наказывать, сделает это совсем иначе. Господь может, например, остановить преступника, чтобы тот больше не повторял своих злодеяний, или привести его житейскими обстоятельствами к тому, чтобы он понял свою вину, и это может быть гораздо большим, чем просто кого-то

«ликвидировать». Я говорю заключенным, чтобы они отошли в сторону, предоставили Богу наказывать обидчиков. Кстати, не нужно бояться слова «наказание» — оно происходит от слова «наказ», «сказ». Когда Бог наказывает — это значит, что он человеку как бы хочет дать какую-то информацию, учит, вразумляет. Мы понимаем «наказать» как «покарать», но на самом деле слово «наказать» не содержит в себе такого трагического значения. Наказания мы вполне можем просить у Бога для кого угодно и даже для себя самого. А уж Господь, когда будет разбираться, сделает так, что всем будет хорошо. В конце концов, и обидчику тоже. Отдавать в руки Божии — это, мне кажется, вполне духовное действие — просить вразумления для данного человека от Бога, когда мы видим, что мы сами его не можем вразумить.

Попробуй полюби занозу

— Но даже помолившись и отдав обидчика Богу, трудно заставить себя забыть о нем и об обиде.

— Раз уже отдал в руки Божии — чего ты будешь дальше думать о нем? Чем быстрее ты сможешь о нем забыть и отвлечься, тем быстрее, возможно, придет и истинное прощение. Потому что если какой-то человек для вас стал раздражителем, как заноза: вонзилась в руку и болит, пока ее не вытащишь — не отойдешь в сторону от обидчика, — то попробуй полюби эту занозу — а ведь она доставляет тебе постоянную боль. Так что первый этап — отдав наказание в руки Божии, отключиться от ситуации и перестать думать об обидчике. И это будет то же самое, что вынуть занозу. Ведь когда вытаскиваешь занозу, уже не думаешь, где она лежит и как поживает. Второй этап — когда ситуация уже не вызывает гнева, не раздражает, когда ты с ней смирился, то можно поинтересоваться, где же этот мой враг, что там с ним, может, ему помочь как-то. Ведь высшая степень отношения к врагам — делать им добро. Потому что, делая добро обидчику, мы собираем на его голову горящие угли Божьего гнева. Но это опять же хорошо, потому что гнев Божий — это совсем не то что наш гнев. Господь милостив, Господь плохого, вредного для спасения никому не сделает. Я бы так объяснил прощение: это если мы перестали обижаться на данного человека и делаем ему что-то хорошее. Но тому человеку это мо- жет быть очень больно, потому что он может вспомнить: ой, мне он помог, а я его обидел. И вот здесь может действительно утихнуть зло и прийти раскаяние. А если мы будем делать только злое или просто злиться, он будет ощущать зло и оправдываться. А если он нам делает зло, а мы ему делаем добро, мы у человека уже отнимаем возможность себя оправдать. И каждый раз, не отвечая злом на зло, мы все- таки повышаем вероятность того, что человек может раскаяться.

— А если кто-то просит прощения, а у человека все кипит внутри. Как по- ступить честно?

— Наша Церковь давно выработала правильные формы — в таких случаях мы говорим: «Бог простит». Не важно, прощаю ли я. Хотя некоторые добавляют «и я прощаю» — но этого можно и не говорить, потому что кто мы такие, чтобы прощать? Мы же не можем действительно человека простить. То есть самое высшее, что возможно человеку на пути к прощению, — когда он действительно искренне желает, чтобы его врага, или обидчика, или недоброжелателя Бог простил. — А как убедиться в том, что ты простил искренне? Как не остаться в самообмане? — Честно говоря, я считаю, что мы вообще не можем простить искренне и до конца... Я считаю, что мы плохо умеем прощать. Как говорил святитель Игнатий Брянчанинов, все мы находимся в прелести. Наверно, бывают и исключения: если ты подружился со своим обидчиком, стал ему соработником, не поминаешь старое — в этом случае можно сказать, что обида искренне прощена. Но чаще всего это невозможно. И даже не надо этим делом заниматься и мучиться, страдать этим. Самое лучшее — просто отойти. Насильно мил не будешь, и свою душу тоже нельзя насиловать — заставить кого-то полюбить. Среди православных людей тоже не всегда складывается психологическая совместимость по каким-то вполне объективным причинам, хотя оба хорошие люди. Необязательно дружить с человеком, с которым дружить не получается. Вообще, как говорили святые отцы, к себе нужно относиться, как к ослику. Ослик хорошее животное, где-то выносливее лошади, но порой упрямится и его не переубедишь — только хуже будет. Так и к себе нужно относиться — уговаривать себя в чем-то то поры до времени, но чрезмерное насилие над собой может сыграть и плохую роль. Сказано: возлюби ближнего, как самого себя. Себя тоже нужно любить. Любить себя — это значит заботиться о своем собственном спасении и понимать свои границы. Не все нам доступно. Поэтому не следует бояться быть ограниченным в каких-то рамках. Здесь, конечно, хорошо советоваться с духовником и делать как он скажет — может быть, вы задумали хорошее дело, но оно вам не по зубам. Я это рассказываю, потому что кто-нибудь может начать умышленно выискивать своих старых врагов, чтобы с ними подружиться, чтобы проверить, полностью ли я их простил или не полностью? Эдак можно в гордость впасть. Считайте лучше, что не полностью простили.

Гневаясь, не согрешайте

— Как прощение сочетается с праведным гневом?

— Чувство гнева для нас естественно. Гнев дан человеку для того, чтобы с помощью этого чувства бороться с бесовскими искушениями. Гнев — это полное отрицание чего-либо, он дан человеку как щит, направлять его надо против врагов нашего спасения, и в первую очередь против врагов невидимых. Но «гневаясь, не прегрешайте» — говорят святые отцы о том, что иногда мы применяем гнев против людей. Мы должны

гневаться только на грех, ненавидеть грех, но жалеть грешника, даже если он преступник. Отец Глеб Каледа говорил, что есть грех, который является преступлением, и есть грех, который не является преступлением, также есть и преступление, которое не является грехом. Понятия греха и преступления полностью не совпадают. Взять хотя бы наших новомучеников: с точки зрения советской власти они были преступниками — а для нас они святые. И наоборот. Женщина совершает аборт: с точки зрения общества все нормально, а с точки зрения Бога это — страшное дело, убийство. Отец Глеб, например, вообще не рассматривал человека как преступника, потому что для тюремного священника все эти люди не преступники, для него они кающиеся грешники, которые находятся на разных стадиях покаяния. И задача священника в том, чтобы помочь человеку найти в себе силы подниматься от ступеньки к ступеньке.

— Когда общество требует введения смертной казни, значит ли это, что оно отказывает в прощении преступникам?

— Лишать человека жизни — это значит лишать его примирения с людьми и с Богом. Как говорил отец Глеб Каледа, «мы расстреливаем не того человека, которого приговаривали»; и в их числе было много людей озлобленных, которые уходили, считая общество виноватым перед ними. Не говоря уже про такие известные случаи, как, например, с маньяком Чикатило. Пока его ловили — расстреляли несколько невиновных людей. Их приговаривали к смертной казни, а Чикатило объявлялся снова. Так было шесть раз. Общаясь с пожизненно заключенными, я вижу, что в основном это люди не умершие духовно. Жизнь, которая им оставлена, — оставлена им не зря. Дико даже подумать, чтобы кого-то из них расстрелять. Пожизненно заключенные и так живут не очень долго — пять-восемь лет. Тяжесть грехов гнетет человека, и его жизнь довольно скоро кончается. А если такой, действительно виноватый, человек долго живет после вынесения приговора, это о чем-то говорит, это тоже свидетельство того, что его жизнь приобрела новый верный смысл, — как же такого «нового» человека расстреливать? Может быть, он раскаялся и прощен Богом? В тюрьме жизнь человека, пришедшего к вере, вообще сильно меняется. Я часто вижу, что заключенные, которые проявляют усердие к вере, выходят досрочно на свободу. Господь принимает их труды и прощает их грех. Только, к сожалению, общество простить их уже не в состоянии. Выйдя на свободу, бывшим заключенным бывает трудно найти себе работу, как-то устроиться в жизни — это способствует их озлоблению. А зло порождает зло.

— Почему прощать так трудно?

— Прощать трудно по нашей гордости. А борьбе с гордостью нет предела, это работа на

всю жизнь. Но в первую очередь простить надо самого себя. Нам сказано Богом — люби ближних, как самого себя, а это значит, что себя тоже надо простить. Не судить не только других, но и себя не судить, не пытаться приклеить ярлык: вот я хороший или я плохой. Просто иметь перспективу, понимать, что самое главное — смириться. Не с гре-хом, а принять себя, осознать, как мы несовершенны. Представьте подсвечник: посмотришь на него сбоку — одна свечка выше, другая ниже, а посмотри на него сверху — все, чего ты там достиг в жизни, долго ли ты горел, много ли ты там насветил или мало, — разницы для Бога в этом нет. Горел ты и горел, стремился к Богу — значит, Господь тебя простит и возьмет к Себе. Иногда поднимают такой вопрос: кто будет спасен? Есть такое мнение, что все, кто хотят, все попадут в рай. Но, конечно, надо не просто сказать «я хочу», это нужно показать своей жизнью. И всегда, в самых тяжких своих случаях мы должны помнить о Христе, который, безвинный, с Креста молился: «...Отче! прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23: 34).

Текст: Екатерина СТЕПАНОВА

Источник : журнал "Нескучный сад" 2 (61) февраль 2011 год

СПРАВКА: Иерей Константин КОБЕЛЕВ родился в 1957 году в Москве. Закончил биологический факультет Московского Государственного университета (МГУ), Московскую духовную семинарию. Настоятель храма Покрова Божией Матери в Бутырской тюрьме. Член епархиальной комиссии по социальной деятельности в местах лишения свободы города Москвы.